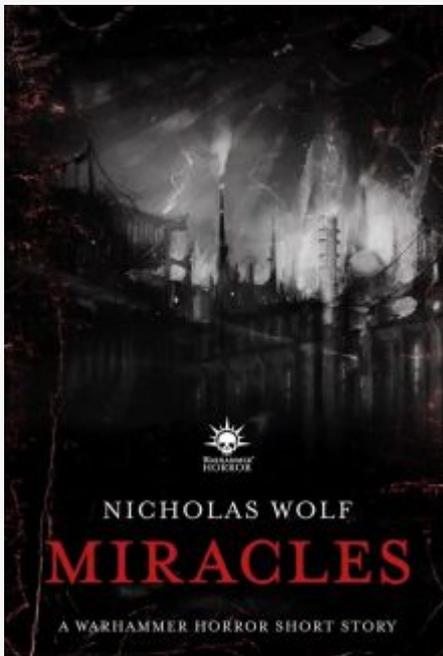

Чудеса / Miracles (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Чудеса / *Miracles* (рассказ)

Автор	Николас Вулф / Nicholas Wolf
Переводчик	Brenner
Издательство	Black Library
Серия книг	Warhammer Horror
Входит в сборник	Анафемы / Anathemas
Год издания	2019
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

Глава 1

- Ясин, не хочешь сказать напутствие?

Я вздрагиваю, очнувшись от очередного бесформенного серого сна наяву. На улей Праксис опускается

ночной цикл, а я провел последние шестнадцать часов на сборочной линии. Мне требуется секунда, чтобы понять, что она сказала. Слабое опьянение от амасека не помогает. Ну, с этим.

Мира. Милая, прекрасная Мира. Она выжидательно глядит на меня, ее голубые глаза подают мне знак произнести молитву. Она постоянно подталкивает меня молиться, особенно при детях. Император как-никак наш отец, говорит она, и им следует узнавать о Нем от собственного отца.

- Конечно, - наконец, произношу я с утомленной улыбкой. Мы склоняем головы над тарелками - Марк, Арден и маленькая София - сотворяя знамение аквилы на груди. - Могучий Император, сегодня мы благодарим тебя за благодеяния Твои, за тот свет, что даруешь Ты нам во тьме. Прошу, сохрани нас от зла и благослови трапезу сию, дабы напитала она тела наши и смогли мы продолжить нашу службу Тебе.

Я делаю паузу. Никогда не знаю, как завершить молитву.

- Благодарю тебя, - в конце концов говорю я.

Я открываю глаза. Мира улыбается. Марк и Арден ковыряются в еде. София все еще что-то шепчет, прикрыв глаза, словно говорит с самим Императором.

Когда она заканчивает, мы приступаем к еде.

Наша пища незатейлива, но питательна: восстановленное мясо грокса, углеводные батончики и серые грибы, которые Мира приправила для вкуса, а также пакетики с витаминным гелем и антирадиационные пилюли для предотвращения лучевой болезни. Стены нашего жилого модуля хорошо обшиты, но зрители мануфактурума предпочитают перестраховываться.

Я ем с жадностью. Все мы. Марк и Арден - обоим по восемь лет и растут с практически невероятной быстротой - поглощают свои порции, перемежая это нытьем о том, что на завтрак было то же самое. София, уже такая умница, ест с радостью, жуя и при этом что-то мурлыкая про себя. Мира ест быстро, чтобы уже начать мыть тарелки.

За окном я вдруг слышу топот ботинок, который знаком так же, как и наступающая ночь.

- Третий патруль за вечер, - безучастно говорю я, высматривая силовиков через щели в ставнях. Через несколько мгновений мимо проходит вереница мрачных черных шлемов. - Вокруг фабрики сегодня тоже везде патрули.

- Почему их так много, папа? - спрашивает София, набив рот витаминным гелем.

Я одаряю ее лучшей улыбкой, на какую способен.

- Они здесь ради нашей безопасности, звездочка.

Я не упоминаю, что три патруля - это необычно, даже для нашего жилого квартала.

- Я слышал, на улице нашли еще одно тело, - вдруг выпаливает Марк.

- Ага, а я слышал, что у него были вырезаны глаза, а внутри полно жуков и...

- Хватит! - рявкаю я резче, чем хотел. Комната слегка кружится. Я делаю глоток воды, чтобы отделаться от чувства вины, и кривлюсь от металлического привкуса. - А ну-ка честно, где вы двое вообще услышали такую ерунду?

Близнецы переглядываются. Я знаю этот взгляд. Они пытаются решить, соврать или нет.

- В школе, - наконец, признается Арден.

Я фыркаю и снова принимаюсь за остывающую на тарелке еду.

- Вы не должны верить всему, что слышите от своих маленьких друзей в школе, - лгу я. - И вы пугаете сестру.

София изо всех сил делает лицо «я не боюсь», но я вижу страх в ее слишком широко раскрытых глазах. Не могу ее винить. Я боюсь, пусть даже не могу позволить себе показывать этого.

Мира встает и начинает собирать тарелки, сворачивая жутковатый разговор с легкостью родителя, привыкшего быстро менять тему.

- А знаете, что я сегодня слышала?

- Что, дорогая? - быстро спрашиваю я. Мне тоже хочется поговорить о чем-то другом.

- Помнишь Старого Гурина?

Ну, конечно. Гурин Манск, слепой гвардеец, просил милостыню возле собора еще когда я был мальчишкой.

- И что с ним?

Мира улыбается, будто у нее есть великая тайна.

- Он видит!

- Ха, - я пожимаю плечами, возвращаясь к тарелке. - Как он смог позволить себе бионику?

- Нет, не бионику, - настаивает Мира, отложив тарелку, которую она мыла. - Это было чудо.

Я не хотел вскидывать брови, однако именно это я и делаю.

- Чудо?

- Что случилось, мама? - лопочет Арден с набитым ртом.

Марк первым проглатывает еду.

- Ага, расскажи нам!

Мира присаживается на краешек стола. Дети мгновенно приходят в восторг. Из нее рассказчик в десять раз лучше, чем когда-либо выйдет из меня.

- Ну, я шла домой из собора и увидела, как он танцует на улице. Он говорил, что видел во сне ангела, а когда проснулся, то прозрел!

- Ангела? - взвизгивает София.

- Ангела, которого послал Император! Разве не потрясающе? - произносит она, хлопая в ладоши.

Она смотрит на меня. Ждет ответа. Подтверждения. Поддержки. Я делаю еще один глоток амасека,

чтобы выиграть несколько секунд и придумать, что сказать – что-нибудь не черствое и не мрачное.

Внезапно мне снова шесть лет, и я на поминках по отцу, стою в комнате не дальше десяти футов от того места, где сейчас ужинаю.

- Чудеса Императора повсюду вокруг нас, – говорю я, вспоминая фрагмент священного текста, который кто-то тогда читал. – И, если молиться достаточно усердно, чудеса случатся и с вами.

Остаток ночи проходит быстро. Я сижу в своем любимом кресле, стараясь не сомкнуть глаз, пока не придет время укладывать детей. Я борюсь с желанием прикончить амасек, поскольку знаю, что потом просто налью себе еще, а мне уже и так хватит. Мира читает им памфлет, который взяла в храме. Каким-то образом она даже к концу дня не теряет бодрости.

Совсем как моя мать, когда еще не лишилась рассудка.

В конце концов, история Миры про Себастиана Тора подходит к завершению, и наступает пора уложить детей в кровать. Мальчики протестуют, как они протестуют против всего, кроме беготни кругами и потасовок, но Мира нежной материнской рукой тактично уводит их по комнатам – гораздо эффективнее, чем смог бы я.

Я веду Софию в ее крошечный спальный альков, подтыкаю одеяло и направляюсь погасить светильник.

- Спокойной ночи, звездочка. Хороших снов.

- Папа?

Я оборачиваюсь.

Долгое мгновение она молчит, теребя свою потрепанную куклу.

Сколько ей было, когда я сделал эту куклу? Год? Два?

- Ты ведь не дашь чудовищам меня забрать, да? Тем, про которых говорили Марк и Арден?

- Ох, звездочка, – говорю я, опускаясь на колени возле кровати и беря ее за руку. – Здесь нет никаких чудовищ.

Она морщит лицо в раздумьях. Я вижу, как ее маленькая головка все взвешивает, гадая, верить мне или нет. Она умная и более наблюдательная, чем мне кажется. Я до сих пор так до конца и не принял тот факт, что она уже не ребенок.

- Папа, ты помолишься Императору за меня?

- София, ты же знаешь, что можешь молиться Императору когда угодно, и Он услышит тебя, – отвечаю я. Это похоже на то, что сказала бы Мира, вот только у нее это звучит так, словно она и впрямь в это верит.

- Я знаю, но я хочу, чтобы ты, – мягко возражает она. – Пожалуйста.

Разумеется, я уступаю. Как бы я мог поступить иначе? Что за отец не станет молиться за свою испуганную малютку-дочь?

Я закрываю глаза и сотворяю на груди знамение аквилы.

- О славный Император, хранимый на Святой Терре, смиренно молю Тебя - снизошли свой неумирающий свет на эту кровать и сделай ее очень, очень безопасной, чтобы моя маленькая девочка смогла уснуть этой ночью.

Она приоткрывает один глаз.

- И никаких плохих снов, - добавляет она.

Я подавляю смешок.

- И прошу тебя послать ей хороших снов.

София улыбается. Это была не лучшая из моих молитв, но похоже, что ее достаточно.

- Спасибо, папа, - произносит она и протягивает руки обнять меня.

Я заключаю ее в продолжительном объятии. Снаружи слышен топот подбитых сталью ботинок силовиков. А вдалеке - крики.

- Император защищает, любимая, - шепчу я, крепко прижимая ее к груди. - И я тоже.

Глава 2

- Прибывает груз, платформа четыре, - монотонно тянет сервитор. - Курьерская метка 14782-241.

Когда наземный грузовик с тяжким гулом заходит внутрь разгрузочного узла, я уже трусцой бегу к рампе. Я всегда куда-то бегу - трусцой, полным ходом или мчусь - и безо всяких лоботомированных рупоров знаю, когда и куда поступают мои грузы. Я работаю на этой фабрике с тринадцати стандартных терранских лет, как и мой отец до меня.

К неуклюжему транспорту с лязгом направляется механизированный погрузчик «Часовой». Груз состоит из химикатов для батарей, магнитных катушек, осмиевых кожухов и стальных кассет - как всегда, семь раз за день и каждый день, пока Галактике не придет конец. Все эти материалы нужны для изготовления энергоячеек к лазганам. Боеприпасами, производимыми на Энторуме, снабжают армии Императора по всему сектору. Я - всего лишь крошечная шестеренка в этом процессе, и мне в тот момент, когда я больше не смогу исполнять мой долг, мне суждена замена, однако я компетентная шестеренка и служу Императору в меру своих скромных способностей.

Я постукиваю по своему инфопланшету, передавая обновленные декларации на центральный когитатор, который в конечном итоге снабдит информацией зрителя из Механикус, магоса Гульда, руководящего комплексом мануфактура. Выскакивает ответное сообщение, отмечающее, что мы на двадцать семь минут отстаем от графика по следующему исходящему грузу, и что я как контролер грузов несу за это персональную ответственность.

Из ваших недельных пайков вычитается процент. Благословенны те, кто служит Императору телом и душой.

- Давайте выгружать эти ящики! - ору я пилоту «Часового», не обращая внимания на головную боль. -

Вы трое, – кричу я однозадачным погрузочным сервиторам, молча стоящим неподалеку. – Корпуса и нити на сборочную линию Гамма-426, плазменные ячейки на Ро-86, излишки на Дельта-281!

– Повинуюсь, – с некоторым подобием синхронности гудят машины, а затем нетвердой походкой направляются выполнять свои задачи.

Я делаю глубокий вдох, почти что слишком глубокий, пока не появляется ощущение, будто грудь вот-вот взорвется. Все работают сменами по восемнадцать часов. Не могу вспомнить, когда последний раз спал дольше пары часов. Мы работаем на износ, но все равно не способны выполнить дневную норму.

Из-за исчезновений.

Дурацкий термин, который упорно используют местные силовики, когда на ежедневных обходах расспрашивают нас о людях, которые пропали, или же, что бывает чаще, оказались мертвыми, изуродованными или еще хуже того.

Исчезновения.

Это слово как будто предполагает, что эти люди попросту исчезли. Как моя мать. Но правда, в чем бы она ни состояла, куда более зловещая. Я это чувствую.

– Ясин, я слышал, мы опять не уложимся в норму.

Я оборачиваюсь. Это Тобин. Славный старина Тобин. Его впалые налитые кровью глаза похожи на мои собственные. Мы начали трудиться в мануфактуруме в одном возрасте, оба сироты.

– Отстаем немного, – лгу я. На самом деле, согласно прогнозу, мы не уложимся в нашу дневную норму на тридцать два процента, что существенно превышает допустимый порог.

Он смотрит на меня. Клянусь Императором, он выглядит скверно. Можно только вообразить, как выгляжу я сам. Я старался не глядеть в зеркало.

– Как дела? – спрашивает он.

– Неплохо, – отвечаю я, зевая. – А у тебя?

Вдалеке я слышу тихий приглушенный удар. Несколько рабочих отрываются от своих дел, но лишь на мгновение. Больше мы себе позволить не можем.

Он приподнимает бровь.

– Это ты мне скажи. Насколько мы отстаем? На самом деле.

Я снова сверяюсь с инфопланшетом и тру глаза. Головная боль, с которой я борюсь весь день, наносит сокрушительный удар.

– Сейчас понадобится чудо.

Тобин невесело усмехается.

– В улье Праксис чудес не происходит.

– Мира рассказывала мне про того слепого попрошайку возле собора. Ну знаешь, Гурин Манск, старый гвардеец?

- Да, а что с ним?

- Он похоже теперь видит. Говорит, узрел ангела, - я слегка улыбаюсь. - Как по мне, это чудо.

Тобин странно смотрит на меня.

- Ты не слышал?

- Чего не слышал?

- Он мертв.

Я останавливаюсь. Слепой гвардеец просил милостыню на одном и том же углу у собора с тех пор, как я был мальчишкой. Я каждый день хожу мимо него по пути на фабрику. Я продираюсь сквозь смазанные пятна воспоминаний: не могу припомнить, чтобы видел его за последние несколько дней.

- Что случилось? - нерешительно спрашиваю я. Что-то в лице Тобина подсказывает мне, что я не хочу знать ответ.

- Я не видел, как это вышло, только слышал... - медленно произносит Тобин. - Люди говорили, он бегал кругами и кричал. Выцарапывал себе глаза. Говорил, что убил кого-то. Всякое в этом роде, - он делает паузу. - Бросился под машину.

- Гурин не был убийцей, - твердо говорю я. - И он не был сумасшедшим.

Тобин глядит куда-то вдаль.

- Порой человек должен делать то, что нужно сделать, - тихо говорит он, обращаясь к самому себе.

Внезапно пол содрогается. Сильно. Тысячи рабочих разом замирают. Мгновение я стою абсолютно неподвижно, задаваясь вопросом, что только что почувствовал - пульсацию крови в ступнях или что-то другое. А затем я опять это чувствую: по феррокритовому полу пробегает дрожь.

По телу расходится адреналиновый озноб.

- Все наружу! - кричу я.

Запоздало начинает выть сирена. Все, кроме сервиторов, бросают все и ломятся к выходу с фабрики. Из сервочерепов, роящихся у нас над головами, ревет голос магоса Гульда. Никто его не слушает. Фабрику сотрясает мощный взрыв. Ударная волна сбивает меня наземь. Меня топчут ногами. Тобин что-то орет. Я слышу рев пламени, а потом ощущаю, что ко мне мчится стена жара.

Впервые с тех пор, когда я был ребенком, я действительно молюсь всем сердцем, разумом и душой. Молюсь Императору, ведь я не хочу умирать, ведь хочу снова увидеть своих детей.

Но Император не слышит меня, и в глубине души я всегда знал, что Он меня не услышит.

Ненасытное пламя окутывает меня, ревя так громко, что заглушает вопли тысяч сгорающих людей.

Глава 3

Я не сплю.

Мои глаза открыты. Я сижу за своим кухонным столом. Но это другой стол, хотя кухня та же самая. На стенах другие фотографии. Я слезаю со стула. Он выше, чем мне помнится.

Я гляжу на себя. Я – маленький мальчик.

На кухне темно, горит лишь одинокий тусклый люмен, отбрасывающий длинные и глубокие тени. Рядом с моей головой жужжат мухи, тревожа затхлый влажный воздух. Я слышу в темноте мягкий скребущийся звук, шепот, как будто вдалеке звучит чей-то голос.

- П... привет? – тихо окликаю я тень.

- Привет, Ясин, – произносит знакомый голос.

На свет лампы выходит моя мать.

- М... мама? – запинаясь, спрашиваю я.

Она выглядит в точности так, какой я ее помню в ту ночь, когда она ушла: каштановые волосы откинута назад, одета в белое платье.

- Не волнуйся, Ясин, – говорит она, тепло улыбаясь.

Я подбегаю к ней на крошечных ножках шестилетнего ребенка и обхватываю руками ее колени. От нее пахнет не так, как я помню, но это неважно.

- Мама, – повторяю я. Клянусь Императором, даже звать ее божественно. – Мама... Я... Меня ранило. Я думаю, я умер.

- Не волнуйся, Ясин, – снова произносит она. – Не тревожься. Ты не умер.

Я оглядываю знакомые стены жилого модуля – в точности такие же, какими я их запомнил мальчиком.

- Я сплю?

- Нет.

Я чувствую, как вверх по позвоночнику ползет беспокойство.

- Ты не моя мать, – говорю я. – Моя мать мертва.

- Она не мертва, – ласково отвечает она. – Просто... не здесь.

- Тогда что ты такое?

Моя мать улыбается той улыбкой, какая часто у нее бывала до наступления скверных дней, до видений.

- Меня послал Император.

Я впериваюсь глазами в существо, которое называет себя моей матерью. Чем пристальнее я смотрю на него, тем сильнее расплывается его фигура, словно отталкивая мой взгляд смертного. Мне на ум снова приходит местный собор и витражные окна, изображающие воплощения праведного гнева, которые истребляют гнусных чудовищ во имя Императора. Оно как будто читает мои мысли, и я вдруг вижу намеки на крылья и ореол святого света.

Я говорю с ангелом.

Я падаю на колени и склоняю голову, не в силах сделать ничего иного.

- Святой Ангел, - начинаю я, не имея ни малейшего представления, как планирую закончить фразу. Я решаю прижаться лбом к полу перед ним. В глаза стекают капли пота. Возле уха что-то жужжит.

- Поднимись, Ясин, - велит моя мать. Я повинуюсь. - Не бойся меня. Это милость Императора, явленная через меня, что ты вообще стоишь здесь.

- Что ты...

Мать улыбается.

- Я спасла тебя от смерти сегодня, в мануфактуруме.

Чудо.

Мира была права.

- Я... Я не... - мямлю я. Я выгляжу нелепо. Не могу понять, говорю ли я с матерью, или же с воплощением Императора. Это бы заботило меня сильнее, не будь я настолько подавлен.

- Ты был спасен не просто так, сын мой, - произносит она. - Ради дела, которое можешь исполнить лишь ты один.

- Должно быть, это какая-то ошибка, - говорю я. - Я не могу... В смысле, я не... - Я сбиваюсь. Я не что? Недостоин? Неспособен? Я - муж, который едва в состоянии оставаться достаточно трезвым, чтобы стоять на ногах на фабрике и укладывать детей в кровать по ночам.

Моя мать награждает меня укоряющим взглядом.

- Ты хочешь сказать, что Царственный Император совершает ошибки?

- Нет! - взвизгиваю я. - Я бы ни за что! Я просто... Какой прок Императору от кого-то вроде меня? Я не свят, не храбр. Я... сломлен.

- Из-за твоей матери, - произносит Ангел.

- Да, - тихо бормочу я. - Из-за тебя.

- Твои молитвы Императору не пропали втуне, - отвечает Ангел, ободряюще кивая головой. - Ни одна из них. Он знает о твоих страданиях, ибо с Золотого Трона Он видит все.

То же ползучее ощущение тошноты забирается в живот, вызывая у меня дрожь.

- Что за... дело я должен исполнить?

Улыбка мамы ласкова и чересчур широка.

- Этот мир обречен.

У меня не получается сдержать дрожь в голосе:

- Что значит «обречен»?

- Я покажу тебе.

Ангел протягивает руку, каким-то образом делая это одновременно и спокойно, и быстрее, чем я успеваю приготовиться. Он касается моего лба. Меня захлестывает боль, словно в череп вбивают железный шип.

А потом я вижу.

Я вижу Праксис, сгорающий в живом огне, который не дает света. Вижу, как во мраке крадутся тени с лицами чудовищ, кормящиеся умирающим миром-ульем. Вижу мужчин и женщин, бегущих, вопящих и раздирающих собственные тела, кожу которых прогрызают ползучие твари. Вижу, как кровь невинных собирается реками на улицах, а небо приобретает цвет спекшейся жизненной влаги. Вижу безумцев, режущих свои тела на части, и покрытых шипами монстров, восхваляющих наносимые увечья. Вижу группы детей, которые свалены в гниющие горы, заслоняющие солнце.

Я вижу Миру, кричащую в муке при виде пропитанного кровью кошмара, пожирающего ее надежду. Вижу, как Марк и Арден вырывают себе глаза, лишь бы не смотреть.

Я вижу.

Я вижу.

София.

Видение кончается. Я втягиваю гнилостный воздух, словно утопающий.

- Во имя Императора! - с трудом выдавливаю я. Горло горит, словно я проглотил отраву. Я сгибаюсь пополам, и меня рвет на пол. - Что... это было? - наконец произношу я, задыхаясь.

- Всего лишь толика участи, что ожидает этот мир и каждую душу в нем, - говорит Ангел с интонацией, которая у моей матери означала «лучше бы тебе принять это всерьез». - Если только ты не остановишь это.

Я не могу закрыть глаза. Каждый раз, когда я моргаю, мне видятся отголоски кошмарной яви, вытравленные на тыльной стороне век.

- Но как я могу остановить это? - потрясенно спрашиваю я. - Я никто.

- Как и многие из святых Императора. Божественное может сделать свое дело посредством кого угодно, и неважно, насколько он мал. Но сперва... - Ангел делает паузу. - Ты должен доказать свою преданность Императору.

- Мою преданность?

Фигура Ангела как будто расплывается в свете лампы.

- Император услышал твои молитвы, Ясин Герц. А также он услышал твое праздное неверие, твои грехи, в которых ты не раскаялся. Сила, способная спасти этот мир и твою семью, не может обитать в разбитом сосуде.

Я крепко вцепляюсь в ногу матери.

- Я сделаю что угодно! - кричу я, не в силах думать ни о чем, кроме видения. - Что угодно!

- Принеси мне сердце ребенка, которого любишь сильнее всех.

Я замираю.

Замирает весь мир, не только я. От слов Ангела я как будто погружаюсь в ледяную воду. Фигура снова расплывается, и дом моего детства опять приобретает отчетливые очертания.

- Нет.

Лицо моей матери искажает гримаса недовольства - такие у нее бывали, когда она начала слышать голоса. Откуда-то со всех сторон вдруг раздается звучный рык, давящий на уши.

- Ты отказываешься? - спрашивает она, продолжая безмятежно улыбаться.

Я отталкиваю ее. Глаза жжет от слез.

- Я не могу! Ты... ты просишь меня... меня...

- Император знает, о чем просит, - произносит Ангел. - Думаешь, ты первый, кому приходится делать этот выбор? Не думаешь ли ты, что он Сам не чувствовал подобного, когда приносил в жертву своих сыновей, дабы не дать этой самой тьме поглотить Галактику?

Мои глаза полны слез.

- Почему сердце? - наконец, вырывается у меня.

Почему не глаза, или губы, или язык?

- Да неважно это! - ору я так громко, что у меня сводит гортань. - Я не собираюсь убивать свою дочь!

- Выбор можешь сделать только ты, - мрачно произносит моя мать. - Я лишь вестник. Либо ты примешь испытание Императора и очистишь свой дух кровью дочери, либо увидишь, как умрут твой мир и твоя семья. У тебя есть время до утра.

Слабая лампочка люмена с треском отключается, кухня погружается в сумрак. Ангел отступает в темноту, остаются лишь два горящих глаза, которые глядят на меня, пока мир гаснет.

Я открываю глаза.

Я не сплю.

Обгорелая плоть и опорожненные внутренности.

Я жив.

Антисептик и смазка.

Я не должен быть жив.

Жалобные крики и звериный вой.

Где я?

Мой взгляд движется по стерильно-аскетичному флигелю медикэ, внутри которого бурлит абсолютный хаос. На каждую койку сложено по два почерневших, изуродованных и дымящихся тела, которые скулят молитвы Императору и молят о смерти. Пол завален трупами, и одеял слишком мало, чтобы прикрыть их всех. Между мертвых и умирающих пробираются сестры-госпитальеры и медицинские сервиторы, перегруженные работой и действующие неорганизованно. Священники, исповедники и послушники помогают, как могут. Среди какофонии почти неразличимо слышится треск лазпистолета, дарующего обреченным Покой Императора.

Это словно видение из моего безумного сна, воссозданное в миниатюре.

Среди хаоса я вижу силовиков, похожих на мрачные островки в бушующем море.

Они закованы в глянцево-черную панцирную броню и облачены в форму цвета эбенового дерева. Это не обычные бойцы. Они проталкиваются сквозь царящее во флигеле медикэ сумасшествие, их лица скрыты под свирепо выглядящими масками дыхательных аппаратов. От них исходит угроза, они прочесывают помещение, хватая выживших и утаскивая их неизвестно куда.

На моих глазах сержант блюстителей останавливается и о чем-то спрашивает взволнованную Сестру. Та оборачивается и указывает в сторону моей кровати.

О нет.

Прежде чем я успеваю что-то придумать или как-нибудь среагировать, силовики стягиваются ко мне. Через считанные я уже со всех сторон окружен массивными телами и устрашающими шлемами. Меня хватают руки в перчатках.

- Вы идете со мной, - рычит главный из блюстителей, и моя кровь леденеет.

- Я... Я не могу, - бормочу я. - Со мной произошел несчастный случай. Я ранен.

Я не вижу лица блюстителя, но каким-то образом понимаю, что он странно смотрит на меня. И только тогда я по-настоящему оглядываю себя.

В точности как во сне, на мне нет ни царапины.

Силовики заталкивают меня в импровизированную допросную, где раньше, видимо, размещалась кладовая для припасов. Здесь разит антисептиками и машинной смазкой. Двое охраняют дверь, их дубинки-шокеры наготове, но не включены. В тесном помещении слышно их тяжелое дыхание. А потом до меня доходит.

Они напуганы.

Сержант блюстителей указывает на стул в центре комнаты.

- Садитесь, - приказывает он. Я подчиняюсь.

Устало вздохнув, законник снимает шлем. Лицо под ним совершенно такое же суровое и устрашающее, как и забрало. Он седой, покрыт шрамами, из-под наморщенного лба глядят пронзительные глаза. Усевшись напротив, он грозно смотрит на меня, пока я не чувствую, как на лбу проступает пот.

Наконец, он моргает, устраивается на стуле и сверяется с инфопланшетом.

- Ясин Герц, - произносит он, перематывая на планшете какие-то данные. - Вы счастливчик.

Я не ощущаю себя счастливым. Комната кажется душной. Жирной. Совсем как в моем нелепом сне.

- Что произошло? – спрашиваю я.

- Плазменный генератор подуровня дал критический сбой, – отрывисто отвечает он. – Мануфактуру полностью разрушен.

- О, Император... – шепчу я. На этом заводе работал мой отец. В этом здании я провел больше времени, нежели где-либо еще в мире. А теперь его больше нет. – Сколько...

Сержант приподнимает бровь.

- Погибших? Сложно сказать. Сервиторы еще несколько недель будут прочесывать обломки, но с учетом масштабов пожара придется полагаться на примерные подсчеты. Десятки тысяч.

Я пытаюсь придумать, что сказать – какие-нибудь слова, которые вместили бы мой шок и ужас. С языка ничего не сходит.

- А потом появляетесь вы, – рычит он. Его голос приобретает ледяную интонацию. В этот момент я осознаю, что передо мной человек, которому доводилось убивать людей.

- Ч... что вы имеете в виду?

Блюстителю пожимает закованными в броню плечами, но в этом движении нет ни малейшей простодушности. Оно выглядит механическим. Отработанным.

- Заводская электростанция плавится, практически всё и все в радиусе мили превращаются в пыль, а затем мы находим вас без единой царапины, – он подается вперед, кладя локоть себе на колено. Он похож на сервитора, который пытается сойти за человека. – Сами понимаете, почему я несколько заинтересован.

Я подавляю желание беспокойно заерзать на стуле. Я вдруг остро начинаю ощущать присутствие законников позади меня. Слышу, как кулаки в кожаных перчатках крепче сжимают оружие. Мимо с жужжанием пролетает муха. Я чувствую вонь пота.

И запах серы.

- Что вы хотите сказать?

- У вас была нелегкая жизнь, Ясин Герц, – произносит сержант, меняя тон. Мне кажется, этот ему представляется дружелюбным. Он снова бросает взгляд на свой инфопланшет. – Мать, Линн Герц, предположительно псайкер, убивает отца, Корбина Герца, а потом исчезает. Сына, Ясина Герца, в день его тринадцатилетия по терранскому стандарту направляют занять место отца в мануфактуре...

- Моего отца не убивали, – прерываю я его.

Сержант вскидывает брови:

- Прошу прощения?

- Моя мать не убивала моего отца, – медленно и сердито повторяю я. – Он покончил с собой. В ту ночь, когда она ушла.

Блюститель снова смотрит в инфопланшет. Я вижу, как его бровь подергивается, пока глаза изучают

файл.

- Что ж, если вам это так запомнилось...

- И моя мать не была псайкером, - запальчиво добавляю я.

Сержант награждает меня продолжительным бесстрастным взглядом. Я понимаю, что он размышляет над чем-то сложным, но не могу определить, над чем именно.

- Ну разумеется, - в конце концов, говорит он.

Что-то в его голосе вызывает у меня мурашки на коже, хотя я и знаю, что он ошибается.

- Откуда вам все это известно?

- Я санкционированный следователь, полномочия предоставлены мне лично планетарным губернатором, - ровно отвечает он. - Думаете, в моем округе происходит что-нибудь, о чем я не знаю?

От того, что подразумевают эти слова, меня начинает мутить.

- Моя мать сошла с ума, и мой отец покончил с собой из-за этого, - тихо говорю я. - Это еще не делает меня преступником.

Ледяные голубые глаза сержанта приоткрываются шире. Слишком широко.

- От подобного, особенно в юном возрасте, с людьми разное делается, - произносит он. - Однажды можно и надломиться. Взорвать этот старый мануфакторум, к примеру.

- Вы думаете, я...

Блюститель резко встает, его стул с лязгом летит на пол.

- Удивит тебя это или нет, Ясин Герц, но, согласно Лекс Импералис, у меня есть данное Императором право убить тебя прямо в этой комнате в любой момент, когда я сочту это хорошей идеей. А еще, удивит тебя это или нет, сегодня у меня *очень* мало терпения. Так что ты расскажешь мне все, что знаешь, прямо сейчас, или я осужу тебя за препятствование моему расследованию и прострелю тебе голову. Считаю до трех.

Я лихорадочно пытаюсь что-нибудь придумать. Не могу дышать.

- Я ничего не делал!

У него в руке болт-пистолет.

- Раз.

Он убьет меня.

У меня скручивает живот. Я чувствую вкус желчи.

- Я ничего не делал! - кричу я.

Холодное металлическое дуло упирается мне в лоб.

- Два.

Я умру. Я умру прямо здесь, прямо сейчас.

- Я ничего не делал! - всхлипываю я. - Я... я просто хочу домой.

Сержант пинает свой стул с такой силой, что гнется металл. Я слышу звук взводимого курка.

- Тогда как ты объяснишь мне тот факт, что ты сидишь тут и разговариваешь со мной, и тебя не соскребают с обломков, как всех остальных на этом заводе? - орет он. - *Как?*

Скажи ему правду, Ясин.

Сзади ко мне приближаются блюститители. Я слышу, как палец перчатки сержанта давит на спуск.

- Это было чудо.

Кажется, будто проходит целая вечность, и сержант убирает оружие в кобуру. Я судорожно выдыхаю, не обращая внимания на стекающую по ноге теплую жидкость.

- Чудо? - вздыхает сержант.

Внезапно я снова на еженедельной службе. Рядом со мной Мира, Марк, Арден и София, я слушаю как священник, чьего имени я не помню, проповедует о том, что чудеса Императора повсюду вокруг меня. Возможно, это был тот же священник, что держал речь на похоронах моего отца.

- Меня спас ангел, - произношу я, проглотив собственное неверие.

Сержант приподнимает седую бровь.

- Правда? И чем же это ты такой особенный?

Ты был избран, Ясин.

Мне нечего ответить. Нечего ответить ни на один из вопросов. Я пытался понять, где был Император в моей жизни, с того самого момента, как моя мать, бормоча как безумная, выбежала из дома во мрак улья и больше не вернулась.

У меня нет ответа, или, по крайней мере, такого ответа, в котором был бы смысл.

Ты единственный, кто может помешать тьме поглотить этот мир, Ясин.

У меня встают дыбом волоски на шее.

- Эй?

- Что? - огрызается сержант.

Бескожгие кошмары свежуют людей заживо.

Я резко оборачиваюсь. Здесь лишь я, следователь и двое силовиков.

- Кто это сказал? Вы слышите?

Сержант приходит в движение с такой скоростью, что я этого даже не замечаю, пока не пытаюсь ошеломленно вдохнуть и не терплю неудачу. Его рука сжимается у меня на горле. Я слышу гул сервоприводов брони на фоне жужжания мух. Мои ноги отрываются от пола.

Вояющие дети тонут в океанах кипящей крови.

- Я преследовал врагов Императора дольше, чем ты живешь на свете, мальчишка, - рычит он. В его голосе холодная ярость. Я вижу ее и в стальном взгляде его серых глаз^[1]. - Его правосудие подобно очищающему огню. Не останется такой тени, где смогут укрыться грешные.

Сержант впечатывает меня в стену так сильно, что на металле остается вмятина. Я падаю на пол, кашляя и сипло хрипя. Пока я силюсь вдохнуть, надо мной нависают блюстители. Свет в допросной мигает. Запах. Я не могу дышать.

Словно проклятый мертвец на поле боя, которому нет конца.

Пока я лежу на полу, борясь со рвотой и судорожно хватая воздух, сержант некоторое время смотрит на меня, изучая.

- Уберите его с глаз моих, - неожиданно ворчит он, словно машина.

Руки в перчатках хватают меня за плечи. Дверь со щелчком открывается, и меня выталкивают в коридор. Пока дверь захлопывается, я вижу, что сержант что-то шепчет в бусинку вокса, не сводя с меня своих мертвых глаз.

Он меня не отпустит.

Он следит за мной.

Глава 4

Я покидаю медицинское учреждение настолько быстро, насколько это в человеческих силах.

Пока я прохожу через каждое из крыльев госпиталя, лязгающие санитарные сервиторы пытаются занести информацию обо мне на стопки пергамента, но я пробегаю мимо их всех, не говоря ни слова. Лоботомированные работники не пытаются меня остановить. Сестры же слишком озабочены спасением жизней, чтобы понять, что моя собственная только что была в опасности. Я практически бегом вылетаю на улицу и чувствую, что за мной следят глаза силовиков. Я не вижу, чтобы за мной кто-то шел, однако я знаю, что они тут, наблюдают.

Лишь оказавшись на улице, наобум сворачивая налево-направо и теряясь в сумраке улья, я позволяю себе по-настоящему вдохнуть. Воздух горячий, жарче, чем должно быть в это время дня. Он пахнет серой и пеплом. Взрыв?

Как далеко он произошел?

Сколько я пробыл у медикэ?

Я бесцельно блуждаю, глядя на свои ботинки и не видя ничего, кроме мелькающего под ногами феррокрита. Кажется, что происходящее нереально. Совсем нереально. Еще утром я на прощание целовал жену с детьми и шел к мануфактуруму в полной готовности провести большую часть дня за сборкой энергоблоков. А теперь мануфактурума нет, большинство моих знакомых мертво, а проклятый блюститель считает, будто я как-то к этому причастен?

Тебе нужно сосредоточиться, Ясин.

- Заткнись, - произношу я вслух. - Ты сон. Тебя нет на самом деле.

Я тащусь по темнеющим улицам улья, поворачивая то туда, то сюда, погружаясь в унылые раздумья и позволяя ногам вывести меня на знакомую дорогу домой. Я захожу в туннель, и свет уличных люменов исчезает в черноте - черной, как небо, изливающее безумие на мир. В сумраке я вижу светящиеся глаза, наблюдающие за мной, следящие за каждым моим движением.

Почему ты сомневаешься в увиденном?

- Потому что это безумие! - огрызаюсь я, ускоряя шаг. - В смысле, ангелы, чудеса... Я просто... это все просто...

Дело не то том, что ты не веришь, Ясин. Дело в твоём страхе перед тем, чего от тебя попросил Император.

- Я не собираюсь убивать мою дочь! - выкрикиваю я так громко, что голос отдается эхом. Зеваки бросают на меня странные понимающие взгляды и поспешно удаляются, шепотом переговариваясь друг с другом.

Я плотнее натягиваю куртку на плечи и почти бегу к дому. Опускается темнота, улей накрывает мрак, который не трогают даже уличные лампы.

Ты видел, что их ждет, если ты не справишься.

Видение. Мне никуда не деться от него - я вижу его даже когда моргаю. Вырвать себе глаза мне не дает лишь желание снова увидеть жену и детей. Но оно остается там, в моем сердце. Даже от попыток не думать о нем желудок скручивает в узлы тошнотой.

- Почему это должна быть она? - спрашиваю я, чувствуя, как глаза наполняются слезами. - Почему?

Сила требует жертв, Ясин. Император обещает тебе силу спасти мир и остальную твою семью. Подобная сила не дается даром.

- Значит Император - это зло! - вскрикиваю я, борясь со слезами.

Его пути неисповедимы. Его замыслы непостижимы для смертных.

Я иду мимо собора. Рядом с тем местом, где просил милостыню Старый Гурин, патруль силовиков. Участок территории оцеплен, рядом стоит набитая машина. Проходя мимо, я вижу, что блюститители бросают на меня взгляды, их глаза следуют за мной.

- Это ты сделал это с Гурином? - спрашиваю я.

Ты занимаешь себя вопросами, не поддающимися твоему пониманию, Ясин.

- Ты ему показал, так ведь?

Гниющие трупы моих детей бродят по улицам, где я когда-то играл.

- Нет! - громко кричу я. Я вижу, что на меня обращается все больше глаз. Я ныряю в темный переулок. Кидаю взгляд через плечо: меня преследуют. Я точно это знаю.

Я задыхаюсь, тяжело дышу, сердце колотится. Тут так жарко. Мне не закрыть глаза. Все, что я вижу - смерть, беду, страдание, ужас и...

Ты можешь предотвратить все это, Ясин. Просто принеси мне ее сердце.

- Я не могу этого сделать, - стенаю я. В голове стучит. Колени подгибаются. - Не могу.

Ты должен. Ради них.

- Откуда мне знать, что это реально? - вопрошаю я самого себя. - Откуда знать, что я не теряю рассудок, как... как моя ма...

Ясин, посмотри на меня.

- Ч... что?

ПОСМОТРИ НА МЕНЯ.

От настойчивости в голосе Ангела меня пробивает ледяная дрожь.

Я медленно оборачиваюсь. Из тени у меня за спиной глядят два горящих глаза. Вокруг меня жужжат мухи. Я чувствую запах серы, трепухи, свернувшейся крови и обгорелой плоти.

Время выходит, Ясин. Принеси мне сердце твоей дочери, или твой мир сгорит.

Глава 5

Когда я возвращаюсь домой, в моем жилом модуле темно.

В рабочий квартал еще не вернули энергию. Скорее всего, изготовление оружия уже перенесли на другие производственные мощности улья, и потребовалось перенаправление энергии, чтобы гарантировать, что подати Императору не запоздают.

Я протискиваюсь в дверь и бреду на кухню сквозь привычный мрак.

Я это сделаю.

Я должен это сделать.

Каждый раз, когда я моргаю, меня преследует посланное Ангелом видение: завывающие чудовища опять, опять и опять подвергают надругательствам мою семью, умоляющую о смерти. Каждая микросекунда - это пытка. И все же, плетясь к кухне, я переставляю ноги так медленно, как только могу.

Проклятье, как жарко.

Я вхожу на кухню, где темно так же, как было в видении. Повертев в руках герметично завернутый ужин, я берусь за оставшуюся бутылку амасека, припрятанную в шкафу. Еще не успев осознать этого, я жадно хлебаю обжигающую жидкость, словно умирающий от жажды. Первый глоток дается тяжело. Второй проходит легче. Я вспоминаю ночь, когда умер мой отец... нет, ночь, когда он покончил с собой. Он был до такой степени пьян, что едва мог бормотать слова.

Так ведь? Что он хотел мне сказать?

Хотел бы я вспомнить.

Третья порция отгоняет самые скверные мысли. Мной овладевает знакомое ложное ощущение уверенности в себе при опьянении. Я сжимаю зубы, помутнение в голове сужает обзор и заставляет забыть об ужасе.

- Ясин!

Я рывком оборачиваюсь. Комнату озаряет свет электрофонаря. За кухонным столом сидит Мира, растирающая заспанные глаза.

На ее прекрасном лице появляется улыбка, шире которой я не видел со времен рождения наших детей. Она вскакивает из-за стола, крепко обхватывает меня руками и зарывается лицом мне в грудь. Ее щеки мокрые.

- Я думала, ты умер, - шепчет она. - Что случилось?

- Генератор мануфактурума взорвался, - безучастно говорю я. - Диверсия, наверное.

Она сотворяет на груди знамение аквилы.

- Клянусь Императором, - продолжает шептать она. - Я слушала вокс-сеть, там говорят, что погибших тысячи. С тобой все в порядке? Ты ранен?

- Я не ранен, - отвечаю я, не в силах скрыть собственное недоверие. - Со мной все хорошо.

Она вытирает глаза рукавом.

- Но как? Говорят, что мануфактурум полностью разрушен.

Я медлю, мысленно видя фигуру Ангела, как будто он стоит у меня на кухне и торопит пройти испытание Императора.

- Это было чудо.

Мира странно глядит на меня. А затем ее лицо расплывается в довольной улыбке.

- Мы все молились за тебя. А София больше всех. Император ответил на наши молитвы.

Я чувствую, как глаза наполняются слезами. Стискиваю зубы, чтоб не дрожал подбородок, и прижимаю ее к себе, чтобы она не видела моего лица.

- Поцелую детей на ночь. Может, пойдешь в кровать? Я мигом приду и расскажу обо всем, что случилось.

Мира обнимает и меня и целует - крепко, горячо. Мне хочется, чтобы это не кончалось.

- Я люблю тебя, Ясин, - говорит она, уходя из кухни.

- Я тоже тебя люблю, - говорю я в сумрак, когда она уже ушла. Делаю последний большой глоток амасека, чтобы заставить себя проглотить ком в горле. И нетвердым шагом бреду к кровати Софии.

Исполнить волю Императора.

Спотыкаясь в темноте, я пробираюсь к кухне. Мои руки скользкие от крови.

- Ангел! - кричу я во мрак. - Ангел, я сделал то, чего требует Император!

Меня встречает тишина.

- Ангел! - взываю я снова. - Ангел, покажись!

- Я здесь, - раздается позади меня ласковый голос. Она здесь. Она всегда была здесь.

Не здесь.

- Я это сделал... - выговариваю я, глотая слезы. - Сделал... о чем ты просила...

Из моих рук выпадают два сердца.

- Мира... - шепчу я. - Она услышала Софию. Она не поняла. Мне пришлось.

- Ты сделал, - откликается она из сумрака. - И сделал чудесно. Лучше, чем я могла ожидать.

- Я не хотел... - говорю я теням. - Я... Я не просил ни о чем таком. Но я сделал. Что будет теперь?

- Что ты имеешь в виду, Ясин? - любезно интересуется Ангел.

- Ты знаешь, что я имею в виду! - ожесточенно бросаю я. - Как Император... ну ты знаешь, использует меня, чтобы спасти этот мир?

Ангел делает паузу.

- О, планета будет спасена.

В моей голове проносятся мысли. А чего я ожидал? Чего-то... божественного? Святого?

- Но... как? Когда? - допытываюсь я, чувствуя, как кровь на моих руках начинает запекаться. Вокруг жужжат мухи. Внутренности сводит тошнотой.

- Когда будет принесено достаточно жертв, Ясин, - произносит за моей спиной Ангел. - Когда мир утонет в реках крови, а солнце скроется за трупами невинных.

Кровь моей дочери, кровь моей жены сохнет на моих руках. Моим сыновьям не оправиться до конца жизни, как это было и со мной. Ужас от содеянного обрушивается на меня снова, снова и снова.

Я вдруг чувствую на своем плече нежную руку матери.

- Полно, полно, - воркует она, и голос ее неожиданно меняется, становясь ниже. - Я понимаю. Некоторые из нас избраны для великих и ужасных дел...

Я медленно открываю глаза и оглядываюсь.

Рука на моем плече - это уродливая лапа с белой как мел кожей и растрескавшимися желтушными когтями. Руки чрезмерно длинные, тело изможденное и иссохшее. Ее рот - ухмыляющаяся миножья пасть с иззубренными клыками, сочащаяся гнилью. Глаза - глубокие провалы, в которых жужжат мухи.

Это не моя мать. Это нечто, носящее мою мать на себе, словно кожу.

- **...совсем как я.**

Мой рот растягивается в беззвучном вопле, и чудовище заключает меня в любящие объятия. Сгнившие глаза вспыхивают колдовским огнем. Мою голову заполняют хохот безумцев и стенания проклятых. Передо мной разверзается кошмарная бездна варпа, тысячекратно более ужасная, чем терзавшее меня прежде видение.

Исходящая слюной.

Голодная.

Вечная.

- *А теперь, сынок*, - шипит существо, бывшее моей матерью, поглощая меня, - *мы сможем быть вместе всегда*.

1. По всей видимости, ошибка автора - в оригинале цвет глаз сержанта тоже то голубой, то серый.

Источник — [https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Чудеса/_Miracles_\(рассказ\)&oldid=12072](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Чудеса/_Miracles_(рассказ)&oldid=12072)

Эта страница в последний раз была отредактирована 24 марта 2020 в 23:16.